

Роджер ОСБОРН

CIVILIZATION:
A NEW HISTORY
OF THE WESTERN
WORLD

Roger
OSBORN

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
НОВАЯ ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОГО
МИРА

Роджер
ОСБОРН



Издательство АСТ
Москва

УДК 930.85
ББК 63.3(0)
072

Roger Osborne
CIVILIZATION

First published as CIVILIZATION by Jonathan Cape,
an imprint of The Random House Group Limited.

Перевод с английского *М. Колопотина*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Random House Group Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Осборн, Роджер.

072 Цивилизация. Новая история Западного мира / Роджер
Осборн ; [пер. с англ. М. Колопотина]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2018. — 768 с.

ISBN 978-5-17-109994-7 (С.: История в одном томе)

ISBN 978-5-17-109993-0 (С.: Страницы истории)

«Неожиданный взгляд на историю!» — восторженно пишут критики о кни-
ге Роджера Осборна «Цивилизация».

Человечество рассматривает современную западную цивилизацию как на-
следие античности и раннего христианства, эпох Возрождения и Просвеще-
ния. Но так ли это?

Существует ли вообще связь между историческими эпохами?

Можно ли считать западную цивилизацию единой исторической цепью,
звенья которой связует идея прогрессивного развития?

Вот лишь немногие из вопросов, на которые отвечает в своем оригиналь-
ном исследовании Роджер Осборн.

УДК 930.85
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-109994-7 (С.: История в одном томе)

ISBN 978-5-17-109993-0 (С.: Страницы истории)

© Roger Osborne, 2006

© Перевод. М. Колопотин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

Двадцать первого сентября 2001 года президент Джордж У. Буш, рассуждая о террористической атаке на Всемирный Торговый центр и реакции США на это событие, употребил слова «сражение за цивилизацию». 5 декабря того же года он повторил: «Я не собираюсь отступить, потому что мы сражаемся за саму цивилизацию». Почти два года спустя, комментируя продолжающиеся нападения на американские войска в Ираке, президент сказал: «Наш выбор — между цивилизацией и хаосом». В заявлениях других западных лидеров звучала та же тема: 12 сентября канцлер ФРГ Герхард Шредер назвал совершенные накануне теракты «объявлением войны всему цивилизованному миру», а 8 октября глава Консервативной партии Великобритании охарактеризовал «Аль-Кайеду» как организацию, «посвятившую себя истреблению цивилизации».

События 11 сентября 2001 года потрясли мир. Они же заставили нас сфокусировать внимание на том, что мишенью террористических атак были не только и не столько два современных высотных здания, и даже не жизни ни в чем не повинных офисных служащих, а нечто более неосязаемое и трудноопределимое. В столь серьезных обстоятельствах у нашего политического руководства появилась необходимость обратиться к чему-то высокому и величественному, чему-то, способному в своей неколебимости противостоять чудовищ-

ному преступлению. Искомый столп силы должен было воплощать собой главное: ценности нашего общества и его традиции, его текущее состояние и его историю. Коль скоро «цивилизация» — слово, в котором заключены все эти смыслы, именно цивилизация оказалась тем, что мы решили защищать, идеей, за которую почувствовали необходимость сражаться.

Последние полвека понятие цивилизации лежало большей частью в стороне от общественных дебатов, оно хранилось где-то на задворках нашего коллективного сознания. Трагедия 11 сентября и ее последствия неожиданно вывели эту привычную, хотя и не до конца ясную идею на первый план. Катастрофические события обычно настраивают умственный взор на резкость: апеллируя к идее цивилизации в столь драматическое и опасное время, наши лидеры затронули важный, пусть и редко дающий о себе знать элемент нашего мировоззрения, при этом продемонстрировав, сколь принципиальную роль он в нем играет. Хотя цивилизация представляет собой отражение того, что мы есть и что для нас ценно, мы не привыкли задаваться вопросом о том, что она действительно для нас значит. Теперь, когда идея цивилизации вновь оказалась в центре внимания, ей не миновать более вдумчивого изучения: если война против террора есть война за цивилизацию, мы нуждаемся в четком понимании того, что же это такое — цивилизация.

Исследование западной цивилизации, которому посвящена эта книга, потребовало свежего взгляда на события нашей общей истории и ее наследие. Однако прежде чем приступить к самой истории, в этом кратком прологе хотелось бы отразить прошлое и нынешнее понимание цивилизации, привести причины, по которым нам необходимо пересмотреть свое представление о ней, и изложить доводы в пользу исторического подхода. Если мы хотим выяснить подлинное значение цивилизации, нам с самого начала предстоит уяснить, что «цивилизация» и «западная цивилизация» — совсем не одно и то же. Сколь бы часто политики ни делали вид, что первое

подразумевает второе, совершенно очевидно, что ценности жителей Запада многим отличаются от ценностей других народов — не исключено, что и саму идею «ценностей» следует отнести к западным изобретениям. Цивилизация, о которой заговорили после 11 сентября 2001 года, была не ацтекской, не китайской и не полинезийской, а совершенно однозначно западной. Цивилизация, которую мы должны попытаться понять, — наша собственная и ничья другая.

Мы склонны видеть в западной цивилизации наследие античной и христианской эпох, дошедшее до нас через Возрождение, научную революцию и Просвещение. Ее дух воплощен в прекрасных зданиях — ионических храмах, готических соборах, небоскребах эпохи модерна; в замечательных полотнах, в пьесах Софокла и Шекспира, в романах Сервантеса и Толстого, в научных открытиях Галилея и Эйнштейна. Мы подсознательно понимаем, что цивилизация не есть «Гамлет», пейзаж с горой Сен-Виктуар или Крайслер-билдинг, что она не тождественна даже Шекспиру, Сезанну или Уильяму Ван Аллену — их творцам. Она, скорее, напрямую связана с духом, их направлявшим, и с обществом, которое позволило ему проявить себя таким образом. Этот дух трудно зафиксировать, и тем не менее мы верим, что между культурными иконами Запада и ценностями западного общества существует некая связь, объясняющая, почему и то и другое является воплощением западной цивилизации.

Одобрительно кивая словам западного политика, который говорит, что наша цивилизация всегда подразумевала «открытость, терпимость, свободу и справедливость», мы одновременно не можем не уловить наличие потенциальной проблемы. Всеобъемность понятия цивилизации, которая делает его удобным для политиков, разумеется, избирательна: им нужно, чтобы цивилизация ассоциировалась у нас с толерантностью, свободой выражения и демократией, а не с бедностью, распадом семьи, неравенством, преступностью и наркоманией. Если цивилизация просто означает все хорошее, мы можем без задней мысли вести войны от ее имени; но та-

кое положение вещей приемлемо, лишь если мы согласны отделить ценности, теоретически нами исповедуемые, от исторической практики западного общества, от результатов его деятельности.

Здесь приходится делать выбор. Если мы рассматриваем цивилизацию в чисто идейном аспекте, ничто не мешает приписать ей все возможные добродетели, оставив противникам все возможные пороки. Однако когда мы говорим о защите нашей цивилизации, мы подразумеваем не столько нынешний образ жизни, сколько те ценности, которые мы с благодарностью унаследовали от предшествующих поколений. Цивилизация — не просто копилка позитивных идей, это совокупность порожденных ими исторических эффектов. Но ведь мы прекрасно знаем историю западного мира — как невыносимо много было в ней горя и страдания, несправедливости и жестокости по отношению и к своим, и к чужим. Есть ли место в нашем понятии цивилизации для войн, пыток, рабства, геноцида? И если мы не колеблясь выносим их за рамки определения цивилизации, не рискуем ли мы утратить способность понимать подлинное значение собственного прошлого? Стремление по-настоящему понять цивилизацию вынуждает нас спросить себя, не обладают ли славные и позорные моменты истории, неизменно сопутствующие друг другу на ее страницах, некой необходимой взаимосвязью. Может быть, свобода всегда подразумевает эксплуатацию человека человеком, терпимость всегда имеет балласт в виде чувства собственной исключительности, а изобилие возможностей неотделимо от эгоизма и жажды наживы? Так или иначе, поиск смысла цивилизации должен начаться с распутывания клубка нашей собственной истории.

Хотя само слово «цивилизация» появилось на свет в XVIII веке во Франции, западная идея цивилизованного общества уходит своими корнями в античность. Именно греки классического периода начали считать себя не просто отличными от других народов, но и превосходящими их. Если в устах Ге-

родота, писавшего в середине V века до н. э., слово «варвары» — всего лишь удобное общее имя для негреческих народов, то ко времени Аристотеля, столетие спустя, варвары и варварские народы уже характеризуются с точки зрения их специфических социальных признаков: обращения с рабами, меновой, т. е. не знающей денег экономики, — черт, вызывающих негативную оценку у цивилизованных греков. Благодаря своим культурным характеристикам варвары обнаруживают человеческую неполноценность по сравнению с греками, которые и в собственных глазах, и в глазах последующих поколений европейцев, предстают образцом цивилизованности.

Этимологически слово «цивилизация» происходит от латинского «civis» — гражданин. Хотя римляне использовали слово «cultura» (культура), а не «цивилизация», в качестве общего названия для духовной, интеллектуальной, общественной и художественной жизни, быть гражданином означало быть частью этой культуры. Римляне, как и греки, у которых они позаимствовали многие социальные установки, считали себя народом уникальной культуры. Два представления — о культуре и цивилизации — в ретроспективе слились в одно. Окруженные варварами, римляне также полагали своим долгом нести цивилизацию другим народам; как писал Вергилий:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!*

Идея цивилизации возродилась в трудах христианских хронистов VII и VIII веков, таких как Григорий Турский и Беда Достопочтенный. Из их описания предшествующих столетий явствовало, что христианство в ту пору, пока оно еще не восторжествовало над язычниками, постоянно находилось под

* Энеида. VI, 852–854. Перевод С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского. — *Примеч. ред.*

угрозой истребления. В последующее время, благодаря церковной организации и письменной культуре, союзу церкви с такими всесильными монархами, как Карл Великий, христианская ойкумена уже могла сознательно ставить между собой и западной цивилизацией знак равенства.

Предренессансный и ренессансный интерес к классическому миру подарил новую жизнь идее особой европейской цивилизации — уходящей корнями в дохристианское прошлое и существовавшей параллельно христианству. Признав в Софокле, Платоне, Вергилии и Сенеке своих духовных прародителей наряду с Христом и святым Павлом, жители западной Европы ощутили себя частью великой традиции. Открытие Нового Света по ту сторону Атлантического океана, знакомство со множеством «примитивных» народов, населяющих все уголки Земли, делало европейцев XVI века в их собственных глазах еще больше похожими на древних греков и римлян — людей цивилизации, окруженных варварами.

К XVIII веку, когда слово «цивилизация» вошло в обиход, европейские интеллектуалы были преисполнены оптимистической уверенности относительно предназначения и благодати всего «Божьего творения», а также относительно способности рационально мыслящего существа рано или поздно упорядочить знание и решить все стоящие перед человечеством проблемы. Стало укореняться представление о цивилизованном поведении — рожденный во Франции идеал политеса (*politesse*) начал превращать землевладельцев, купцов и ростовщиков (прежде находившихся во власти дурных привычек, например привычки жить и питаться под одной крышей со своими работниками) в благородную знать с пусть и не изысканными, но вполне приемлемыми манерами. «Благородная» культура XVIII века казалась достойным возрождением аттического и римского духа, и хотя во Франции просветительский оптимизм не смог пережить ножа гильотины и кровавого побоища наполеоновских войн, он вновь расцвел в следующем столетии в джентльменских клубах Англии. В наступивший Век прогресса, который совпал с эпохой подъема

Британской империи, Маколей, Карлейль, Бокль объясняли читателям, что чудеса Древней Греции и Древнего Рима образуют непрерывное целое с чудесами Венеции и Флоренции эпохи Возрождения, а также с чудесами британской индустриализации. В 1857 году викторианский историк Генри Томас Бокль изобразил цивилизацию в виде великой исторической цепи, уже первое звено которой, цивилизация древнего Египта, «представляла разительный контраст варварству, господствовавшему среди африканских народов». Следующим после Египта звеном оказывалась Греция; далее, пройдя Римскую империю, Возрождение, Реформацию и Просвещение, цепь подводила прямым к славным достижениям соотечественников Бокля. Те народы, что находились в стороне от этой священной оси, признавались варварами, а те, что находились на ней, — носителями цивилизации. Цивилизация в дни Бокля не только сама задавала свои географические границы, она считала себя наделенной миссией «подавлять, обращать и цивилизовывать» остальное человечество — с этой точки зрения процесс колонизации всего мира представлялся некоей благотворной смесью проповедничества и морального торжества. Провести черту между цивилизацией и нецивилизацией не составляло труда, пусть даже в случае с индийскими махараджами, наследниками Великих Моголов, или китайскими и японскими императорами приходилось прибегать к некоторым ухищрениям. Цивилизация была атрибутом людей белого цвета кожи и христианского вероисповедания, атрибутом же прочих было варварство.

Представление о западной цивилизации как о единой (пусть кое-где разорванной) исторической цепи лишь укрепилось благодаря вновь ожившему интересу к миру античности и Возрождения. В XVIII и XIX веках английские, французские, голландские и немецкие ученые мужи благородного сословия отправлялись в вояж по континенту, особенно по его южной части, чтобы собственноручно полюбоваться чудесами прошлого. Глиняные амфоры, статуи, барельефы, картины и мозаики переправлялись на север в огромных количествах, в

сотнях североευропейских городов строились музеи для размещения сокровищ, вывезенных из Египта, Греции, Рима и Флоренции. Повинуясь общему поветрию, представители европейской элиты заказывали портреты, изображавшие их в римских тогах и лавровых венках, строили дома, имитирующие греческие храмы, брали девизом своих клубов и полков латинские изречения. Политические мыслители возродили греческие слова, такие как «демократия», а Дж. С. Милль даже заявлял, что «Марафонская битва важнее для английской истории, чем битва при Гастингсе». Цепь истории продолжала коваться: новаторские изменения в итальянском искусстве XV века получили название Ренессанса, то есть Возрождения, каковой титул закрепил за ними в 1869 году влиятельнейший труд Якоба Бурхардта — «Культура Италии в эпоху Возрождения». В 1890-х годах европейская колонизация приобрела невиданные ранее масштабы, и стало казаться, что недалеко то время, когда плоды западной цивилизации начнут вкушать весь мир.

Этот благостный образ цивилизации был безжалостно сметен Первой мировой войной, итоги которой — десять миллионов погибших и неисчислимо количество искалеченных — продемонстрировали всю его иллюзорность. Война 1914–1918 годов была конфликтом либо между коалициями цивилизованных наций, либо между цивилизованными нациями (Франция, Британия, Америка) и нациями, внезапно обнаружившими свое варварство (Германия и Австрия). Так или иначе, она была таким же беспорным порождением западной цивилизации, как паровой двигатель или микеланджеловский «Давид».

Как могла цивилизация дойти до такого состояния? Как могло случиться, что миллионы европейцев ждала столь бессмысленная гибель? Самый убедительный ответ на эти вопросы дали не историки и не философы — он пришел с совершенно неожиданной стороны. Зигмунд Фрейд, чья концепция человеческой психики уже тогда начала завоевывать всеевропейское признание, предложил миру отрезвляюще

пессимистический взгляд на вещи. «Дело не в том, что мы пали так низко, дело в том, что мы никогда не были так высоко, как думали», — сказал он о Первой мировой.

Человеческое существо, утверждал Фрейд, находится под влиянием низменных, примитивных инстинктов, унаследованных от животных и первобытных предков. Цивилизация обуздывает животную дикость, заключенную в каждом из нас, но избавиться от инстинктов она не способна. Время от времени ее хрупкая оболочка рвется и люди совершают акты чудовищного насилия. Фрейдовское объяснение катастрофы Первой мировой войны установило прочную взаимосвязь между личностной психологией и природой цивилизации и сделало психоанализ главным инструментом ее исследования. Границы цивилизации более не пролегали на карте, отделяя Западную Европу и Северную Америку от остального мира, или в пространстве истории, выгораживая особое место для Египта, Греции и Рима. Они проходили внутри нас, мы сами стали одновременно территорией варварства и цивилизации.

Теории Фрейда восторжествовали над представлениями XIX века о цивилизации как благой силе и свергли с пьедестала идею человеческого прогресса. Впрочем, несмотря на непривычность и кажущуюся новизну, они лишь возвратили европейцев к радикальному пессимизму святого Августина, отца церкви, жившего в V веке. Согласно католическому догмату, появляясь на свет, мы несем в себе грехи, унаследованные от Адама и Евы. И хотя крещение снимает с нас это бремя, человек готов грешить при любой удобной возможности. Слова Августина: «Уберите границы, созданные законами, и бесстыдная склонность людей вредить, их неодолимое желание потакать своим прихотям возьмут свое в полной мере» — могли быть написаны Фрейдом. Его взгляды на цивилизацию, созвучные Августину, переключали внимание с общества на отдельную личность, и с тех самых пор, желая что-либо понять о природе войны, жестокости, прогресса, ненависти, созидания и разрушения, в первую очередь мы искали ответ во внутреннем мире человека.

Историки, мыслящие более традиционно, пытались объяснить события смутного времени в европейской истории, строя модели жизненного цикла цивилизаций, их расцветов и падений. И «Закат Европы» Освальда Шпенглера, опубликованный в 1918 году, и последовавшая за ним в 1934 году первая часть многотомного «Исследования истории» Арнольда Тойнби вдохновлялись верой предшествующего столетия в универсальные исторические законы. Задачей историка было продемонстрировать, как эти законы работают на примере цивилизаций.

К началу XX века западная цивилизация оказалась в противостоянии с еще одной варварской силой — массовой культурой. В 1920-х и 1930-х годах европейские интеллектуалы с отчаянием заговорили о смертельной угрозе, которую представляет растущая масса городского населения и ее низкие культурные запросы. Сбереечь цивилизацию могла лишь немногочисленная элита творцов и ценителей, культивирующая искусство, недоступное восприятию большинства. В глазах тех, кто относил себя к этой элите, цивилизация становилась уделом узкого круга избранных.

Казалось бы, Вторая мировая война, холокост, сталинский террор заставят нас забыть о прогрессе и благотворном эффекте цивилизации окончательно. Но в действительности произошло обратное. Ужасы нацистской эпохи, поставившие под сомнение само понятие «человеческого», парадоксальным образом реанимировали прежнюю веру в то, что люди могут и должны отыскать путь к более совершенному мироустройству. Отчаянно желавшие видеть в мире что-то хорошее, вдохновленные разгромом нацизма, жители Запада в течение первых послевоенных десятилетий обратились в своем сознании к проверенным рецептам. Стараясь по возможности избегать банальных деклараций о прогрессе, историки культуры все увереннее делились своим преклонением перед «величием» художников и философов исторического Запада, восторгами перед красотой произведений изящного и прикладного искусства и все меньше чувствовали необхо-

димось задаваться вопросом, не было ли все это куплено слишком дорогой ценой. Когда в 1969 году Кеннет Кларк озаглавил свой документальный телесериал, посвященный европейскому искусству, «Цивилизация», он сознательно выставлял подлинными плодами цивилизации не войны и истребление целых народов, а великих художников и их прекрасные произведения.

Смысл, который господствующая культура западного мира вкладывает в слово «цивилизация», по прошествии стольких лет по-прежнему далек от ясности. С одной стороны, если взять Соединенные Штаты, основатели страны и авторы конституции были людьми Просвещения, глубоко укорененными в классической традиции; надо вспомнить также, что европейские поселенцы использовали идею «цивилизаторской миссии» в качестве обоснования захвата Американского континента и уничтожения его коренного населения. С другой стороны, Америка была основана в противовес тогдашним европейским ценностям и состоялась, особенно после волн массовой иммиграции конца XIX века, как общество иного типа. Слово «цивилизация» в устах европейца звучало во многом как вызов американским идеалам — его элитарность и ностальгия противопоставлялись американскому популизму и устремленности в будущее. Да и массовая культура — предмет горького сарказма европейских интеллектуалов в XIX и XX веках — тоже являлась преимущественно американским изобретением. Только после Второй мировой, когда Америка сделалась ведущей державой западного мира, эти противоречия впервые стало возможным как-то разрешить. Цивилизация стала более демократическим, менее элитарным понятием (перемена, немало обязанная любви нацистских вождей к «высокой культуре»), но одновременно его смысл сделался более всеобъемлющим и расплывчатым — под него теперь подпадало все общество, а не только культура верхушки. Эта расплывчатая всеохватность возвращает нас к тому, с чего мы начинали, — к новой жизни понятия, которое, утратив, казалось бы, какую бы то ни было ясность, очевидно сохра-